

ПАРЕМИИ В РУССКИХ ОСТРОВНЫХ ГОВОРАХ ОДЕСЩИНЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЕЙ*

Науковий вісник Ужгородського університету.

Серія: Філологія. Випуск 2 (44).

УДК 811.161.1'282.2(477.74):398.9

DOI:10.24144/2663-6840/2020.2(44).34–39

Ареф'єва Н. Паремии в русских островных говорах Одесщины как отражение лингвокультурного пространства диалектоносителей; кількість бібліографічних джерел – 19; мова російська.

Аннотация. В статье впервые в отечественной лингвистике анализируются паремии, функционирующие в русских островных говорах Одесской области. Паремии анализируются с точки зрения выявления их лингвокультурного содержания. Доказывается, что паремиологический фонд русских говоров Одесщины отличается богатством и разнообразием. Он представлен вариантами общепотребительных паремий, отличающихся от последних грамматически или лексически; паремиями, содержащими в своем составе диалектное слово; чисто диалектными паремиями, не зафиксированными ни в одном из известных паремиологических словарей или сборников. Паремии транслируют ценные социокультурные установки, на которые ориентируются диалектоносители. Паремии отличаются прозрачной внутренней формой, а их лингвокультурное содержание может быть раскрыто с помощью культурно значимых концептов – вербализованных культурноносных ментальных сущностей. Прототипная ситуация, интерпретированная в категориях культуры, или культурно значимый концепт, «обрамленные» созвучием компонентов, их стройной ритмической организацией, создают вербализованный культурный знак, выполняющий роль тропа в лингвокультурном пространстве русских диалектоносителей. В основе внутренней структуры паремий лежат бинарные оппозиции, выраженные эксплицитно и имплицитно. Наиболее продуктивной в паремиологической картине мира русских переселенцев оказывается универсальная межкультурная оппозиция «родина – чужбина», которая тесно связана с концептуализацией родного дома, культом рода и одной из самых древних оппозиций – «свой – чужой», которая тоже широко представлена в паремиологическом фонде диалектоносителей. Лингвокультурное пространство носителей русских островных говоров Одесщины, закодированное в паремиологической картине мира, может стать предметом дальнейших научных исследований в русле лингво- и этнолингвокультурологии, лингвоконцептологии, лингвосемиотики, социолингвистики и этнографии.

Ключевые слова: паремии, русские говоры Одесской области, лингвокультурное пространство, лингвокультурное содержание, культурно значимый концепт, бинарная оппозиция, паремиологическая картина мира.

Постановка проблемы. Паремиологический фонд русских говоров Одесщины – уникальный малоисследованный языковой пласт, в котором отразилось инокультурное и инолингвальное влияние, обусловленное многолетними контактами русских переселенцев со своими соседями – украинцами, молдаванами, гагаузами, болгарями, немцами, румынами. Объект исследования составили паремии, отобранные на основании дифференциального подхода (около 140 единиц), то есть объектом описания становились лишь те паремии, которые семантически или структурно отличались от паремий русского литературного языка. Материалом исследования послужили иллюстративные данные «Словаря русских говоров Одесщины» [СРГО], «Большого словаря русских поговорок» [БСРП] и «Большого словаря русских пословиц» под общей редакцией проф. В.М. Мокиенко [БСРПС], вобравших в себя ряд паремий с пометой «одесское»; материалы диалектологических экспедиций в русские переселенческие сёла Одесской и других областей Юга Украины в 1950-е – 2010-е годы, в том числе диалектная фонотека; отдельные научные публи-

кации, посвящённые изучению русских островных говоров Одесщины; личная картотека автора.

Цель статьи заключается в определении закономерностей, позволяющих выявить лингвокультурное содержание, закодированное в паремиях, функционирующих в речи русских переселенцев Одесщины. Основной метод исследования – описательный.

Анализ исследований. Пословичный фонд во взаимосвязи языка и культуры анализируется в трудах В.Н. Телии, В.М. Мокиенко, Р.Х. Хайруллиной, Л.Б. Савенковой, О.Г. Дубровской, Е.А. Ошевой и других учёных. «Пословицы, – отмечает В.Н. Телия, – мощный источник интерпретации, поскольку они и есть по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками сформировавшейся обыденной культуры, в котором в сентенционной форме отражены все категории и установки этой жизненной философии народа – носителя языка» [Телия 1996, с. 241]. Конец XX века и первая половина нынешнего столетия отмечены новым всплеском интереса к народной паремиологии, систематизация и описание которой представлено в таких фразеологических трудах, как «Тверские пословицы и поговорки» (составители Л.В. Брадис, В.Г. Шомина, 1993) [ТШП], «Пословицы и поговорки Поморья» И.С. Меркурьева (1997) [ППП], «Словарь псковских пословиц и поговорок» В.М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (2001) [СППП], «Пословицы, поговорки и загадки Кубани»

* Автор выражает искреннюю благодарность учительнице русского и украинского языков и литературы школы № 113 г. Одессы Л.М. Мартыновой за предоставленный ценный материал (более 50 паремий), собранных ею в с. Приморском Килийского р-на Одесской области в 2017–2018 гг.

под ред. Л.А. Степанова (2002) [ППЗК], «Словарь архангельских паремий и фразеологизмов» Н.В. Хохловой, Г. В. Михеевой (2016) [САПФ].

Изложение основного материала. Паремно-логический фонд русских говоров Одесщины – богат и разнообразен. Он представлен: а) вариантами общерусских паремий, отличающихся от них по своей структуре – грамматической или лексической: *Пока душо́нку не пу́стишь в ад, до тех пор не будешь богáт* ‘честным трудом не разбогатеешь’: *Ничивó, мы хоть и бедна жы́ли, но чéсна, ни к каму́ есть ни хадíли. А бау́цтва дéла тако́е: пакá душо́нку ни пу́стиши в ат, да тех пор ни будиши бау́ат* (Прим.). Ср.: *Не отда́ши ду́шу в (во) ад – не будешь богáт. В.-рус. Перм. Не прода́ши ду́шу в ад – не бу́дешь богáт. Не пу́стишь (не отда́вши) ду́шу в (во) ад – не будешь богáт. Отда́й ду́шу в ад – так бу́дешь богáт. Пусты́ ду́шу в ад – так и будешь богáт* [БСРПС, с. 321–323]. Ср. также следующий пример: *Чем бедне́е, тем родне́е* ‘чем беднее человек, тем проще наладить с ним добрые отношения’ (Никол.) и его общерусский вариант *Чем бедне́е, тем щедре́е* [БСРПС, с. 46]; б) паремиями, обнаруживающими в своём составе диалектное слово: *В Благове́щию птíца гнезда́ не вьёт, де́вица ко́сы ни плетёт* ‘о запрете любых видов работ в Благовещенье’: *В благове́щию птíца гнззда́ ни вьёт, де́вица ко́сы ни плитёт* (Ст. Некр.) [СРГО, т. 1, с. 40; БСРПС, с. 54], где **Благовещия** – ‘Благовещенье, весенний церковный праздник’ [СРГО, т. 1, с. 40]. Ср.: *В Благовеще́нье де́вица ко́су не плетёт, а птíца гнезда́ не вьёт*. Пск. (Беж.). *В Благовеще́нье птíца гнезда́ не вьёт и ба́ба голо́вы не чéшет*. Пск. (Беж.). *В Благовеще́нье птíца гнезда́ не вьёт, кра́сна де́вица ко́сы не плетёт*. Помор. [БСРПС, с. 54]; в) собственно диалектными паремиями, не зафиксированными ни одним из известных нам паремно-логических словарей и сборников. Ср., например, пословицу *Захова́ет дру́жбина – не найдёт родня́* ‘будет ли муж поддерживать отношения с родственниками, зависит от жены’: *Захавáе дру́жбина – ни найдёт радня́* (Дем.) [СРГО, т. 1, с. 230], заимствованную, по всей вероятности, из близкородственного украинского языка.

В соответствии с источником происхождения паремии представлены: а) единицами, заимствованными из песенного фольклора, например, пословицей *На чужíне горе́ жить* ‘в чужом краю жизнь горька’ (Дем.), попавшей в русские говоры Юга Украины из украинской народной песни «Ой, журавко, журавко»: *Ой, журавко, журавко, / Чого кричиши щоранку? / – Як те мені не кричать, / Що так високо літати / Відбилася від роду, / Як той камінь у воду / Ой, впад камінь та й лежить – / На чужині горі жити, / На чужині горі жити, / Нема кому пожаліть*; б) паремиями-библизмами, обычно также являющимися вариантами общерусских паремий, например, *Мáнна с не́ба в рот не упаде́т* ‘ничего не делается само собой, без усилий’: *Éсли будя лида́чий, то ма́нна с не́ба в рот ни упаде́т* (Алекс.) [СРГО, т. 1, с. 283], созданной на основе контаминации фразеологизмов *манна небесная* ‘о чем-л. ценном редком’ (согласно библейскому рассказу,

манна – «пища, которую Бог каждое утро посылал иудеям в пустыне, когда они шли в землю обетованную») [ИЭС, с. 416] и *само в рот не упаде́т* ‘ничего не делается само собой, без усилий’, ср., к примеру, заголовок статьи «Тюменская правда»: «Не ходим ждать, когда *само в рот упаде́т...*» (выделено нами – Н. А.) [8]. Ср.: *ждать как ма́нны небéсной* чего ‘очень сильно, с большим нетерпением ждать’. Ср. также пример употребления рассматриваемой выше паремии в современной художественной литературе: [Вертухаев:] *Работать надо, работать! Само по себе, паньмашь, ничего не делается. Манна с не́ба в рот не падает* (выделено нами – Н.А.) [Потапов 2012, с. 81]; в) паремиями индивидуально-авторского характера, зародившимися в одном из сёл и обусловленными той или иной прототипной ситуацией, ставшей знаковой для сельчан, приобретшей со временем культурный «вес». Соглашаясь с ведущей идеей проф. М.Л. Ковшовой, заключающейся в том, что «уже сам выбор “строительного материала” для фразеологического образа не случаен, что в троп языкового знака входит уже окультуренная сущность» [Ковшова 2016, с. 176], отметим, что в состав такого рода паремий входят, по нашим наблюдениям, концепты, культурно значимые, по терминологии В.Н. Телии, в языковой картине мира русских переселенцев. В этом ракурсе такие паремии представляют большой интерес для изучения сквозь призму этно- и лингвокультурологии, лингвоконцептологии, лингвосемиотики, социолингвистики. Будучи сопряжённой в ряде случаев с функционирующими в данном населённом пункте народными анекдотами, внутренняя форма подобных паремий является вполне прозрачной. Ярким примером такого рода может служить паремия *На́ша це́рковь на два па́льца вы́ше*, эксплицирующая культурно значимый для старообрядцев концепт «церковь» и употребляющаяся в речевой деятельности русских переселенцев с. Приморского Килийского района Одесской области в качестве последнего аргумента в споре: «*Ды нихáй! Гаварí ни уаварí, а на́ша це́ркафь фсе́ равно́ на два па́льца вы́ше*» (Прим.). Мотивация паремии вполне понятна местным жителям-старообрядцам и объясняется ими следующим образом: Как-то на автобусной остановке заспорили две женщины-липованки по поводу того, чья церковь лучше – Казанской божьей матери в с. Приморском или Рождества Христова в г. Вилково. Когда все доводы закончились, жительница с. Приморского произнесла фразу: «Всё равно наша церковь на два пальца выше!». Стоящие вокруг люди рассмеялись: кто измерял высоту церкви и откуда достоверно известно, насколько одна из них выше другой? Выражение, построенное на сочетании высокого и низкого, сакрального (устойчивым символом которого выступает *церковь*) и профанного (*палец* во фразеологии – эталон малости, незначительности, ничтожности, неуважительного отношения к кому-л., ср.: *фольк. мальчик с пальчик* ‘очень маленький, крохотный мальчик’, *пальца не стоит* чьего ‘значительно уступать кому-л. во всём’; *палец о палец не ударить* ‘ничего не предпринять, не приложить ни малейшего усилия’ и его диалект-

ные соответствия – *новг. палец о палец не кóкнуть; народн., волг., волог., новг., перм, печор., пск. палец о палец не колонуть (не стóкнуть), кар. палец о палец не щёлкнуть (не щелкнуть), арх. пальца не прикóрчить, волг. не ворохнуть пальцем; показывать пальцем* на кого ‘относиться к кому-л. как к необычному, обращающему на себя внимание; высмеивать, осуждать кого-л.’ [БСРП, с. 382, 476–477] и др.), стало широко употребительным в речи приморчан благодаря прозрачной внутренней форме, яркой образности и экспрессивности. Ср. также пословицу *Кому свиный, а кому и семья* ‘каждому своё’, в основе которой лежит понимание семьи как наивысшей ценности в противопоставлении с низким, обыденным, профанным, символом которого с давних пор является свинья: *Люди всё судят их, абгаваривают, а ани жыють себе патихоньку. Ни на каво ни абрацають вниманія – каму свиный, а каму и семья* (Прим.), ср. также *Не дай Бог свиный рог* ‘о нежелательности доступа людей, склонных к неблагоприятным действиям, к средствам осуществления этих действий’ [БСРП, с. 47]; *как свиный на небо не глянуть – ирон.* ‘о ком-л., чём-л. несопоставимом, неравноценном, недостижимом, неосуществимом’: *Ды што ані са мной равняцца! Как свиный на ноба ни глянуть, так ей са мной ни сравняцца* (Прим.); *как приглушенная свиный – неодобр.* ‘о несобранном, крайне невнимательном человеке’ (Прим.); *Зарекалась свиный землю не рыть – до сих пор роет* – *неодобр.* о человеке, который только обещает исправиться, не выполняя обещанного: *Я йму ужэ ни верю: зарикалась свиный землю рыть – да сих пор роет. Сколька он ужэ абицал ни пить – всё равно в адной паре ходит* (Прим.).

Приведём еще один пример. Мотивация паремии *дожили, бабоньки: без фируг хоронят*, содержащей в своём составе диалектное слово «фируги» – ‘хоругви’ [СРГО, т. 2, с. 255], транслирующей шуточные коннотации и употребляющейся в речи жителей того же с. Приморского в значении ‘о чём-л. долговечном’, связана со следующей прототипной ситуацией: когда одно время запретили хоронить с хоругвями, пожилая жительница села – яркая личность, названная носителями говоров бабкой Анной, возмущалась: «До чего дожили, бабоньки, без фируг хоронят!» Позже запрет отменили, «а бапка Анна йшо́ лет трыццаць жыла, пражыла дивиноста чты́ре у́да» (Прим.). *Фируга* (хоругвь) – предмет религиозного обихода и один из элементов обряда – культурно значимый концепт, актуализированный в паремии еще и благодаря «чрезвычайной ситуации» в жизни сельчан – запрету одной из важнейших погребальных традиций. Несоответствие краткосрочности запрета и долгой жизни автора выражения послужили созданию яркой образности и эффекта комического, что и обусловило закрепление данной паремии в качестве культурного знака, её активное функционирование и экспрессивность. Как справедливо отмечает проф. В. М. Мокиенко, «...наибольшую способность к фразеологизации проявляют те свободные сочетания слов, которые отражают конкретные явления

материальной действительности, связанные с жизнью человека» [Мокиенко 1980, с. 27].

Эвфоническая компонента часто служит средством построения паремии, придавая “обрамлению” того или иного смысла яркий национально-культурный колорит. Компоненты таких паремий объединены на рифмованно-ритмической основе. Проф. В.М. Мокиенко, отмечая способность практически каждого рифмованного сочетания фразеологизироваться, подчёркивает: «Рифмованные фразеологизмы характеризуются “фонетической экспрессивностью”» [Мокиенко 1980, с. 149]. «Окультуренная» прототипная ситуация или культурно значимый концепт, обрамлённые созвучием компонентов, их стройной ритмической организацией создают, пользуясь терминологией М.Л. Ковшовой и В.В. Красных, оязыковлённый культурный знак, выполняющий роль тропа в лингвокультурном пространстве русских диалектоносителей. Ср., например: *Батя знаё, када́ фатя* ‘выражение уверенности в своей правоте в ответ на чьи-л. назойливые советы или рекомендации’ (Введ.), где *батя / отец* – универсальный базовый концепт не только региональной, общенациональной, но и общеславянской картин мира, воплощающий прежде всего культ рода (как известно, с именем отца соотносится у славян (и не только славян) родовая традиция) и семейных взаимоотношений, стойко закрепившихся в славянской народной культуре. Ср. объективацию концепта во фраземах *отчий дом, у отца-матушки за пазушкой* ‘в благополучии и достатке’ [БСРП, с. 470], в паремии *Не лезь попере́д ба́тька в пе́кло* ‘прежде чем принять важное решение, послушай, что скажут старшие’ и её вариантах: *Вперёд ба́тьки в пе́кло не суйся, Вперёд ба́тьки не лезь в воду, Вперёд ба́тьки не суйся в петлю* и т. п.; *кубан. Як ба́тько сказа, так и будэ* [БСРПС, с. 37]; *укр. ба́тьківська стріха* ‘отчий дом’, *лізти (забігати, спішити, поспішати, висакаувати, сунутися* и т. п.) *поперед ба́тьки в пе́кло, живе як у ба́тька за пазухою, засумував наче ба́тька поховав, Ба́тько – сонце, вітчим – місяць* [ФСУМ, с. 868, 436; ССНП, с. 13]; *болг. бащино огнище* ‘отчий дом’, *Бащи́на поука – синова сполука, Баща и майка цена нямат, Баща и майка с пари не купуват, С пари всичко можеш да купиши, баща и майка не можеш* [БРС, с. 47; Арефьева 2009, с. 147]. Ср. также бытующую в русских говорах фразу *хороших отцов* кто ‘из хорошей семьи (кто-л.)’: *А дьявчонка, нивёста йшо́, ані хороших ацо́ф* (Ст. Некр.).

Паремия *Не сме́йся, рабе́, бо доста́нется и тебе́!* ‘каждый может оказаться в трудной ситуации’ также соотносится с одной из важнейших установок культуры: смеяться над чужой бедой не достойно человека: *Сасётка всё насмихалась, што мне трудна жыть. Ничиво́: на выку́, как на долга́й ниве – ни сме́йся, рабе́, бо даста́ницца и тебе́* (Прим.). Подобным образом фиксируются в речи русских диалектоносителей и современные «жизненные» реалии-картинки, в основе которых – наблюдательность и меткий народный юмор, ср.: *Пошёл на лёк – пропал навек* – *неодобр.* или

шутл.-ирон. 'о вреде лечения, нежелательности обращения к врачам' (Прим.). Нередко такие паремии являются трансляторами старинных обычаев, традиций и обрядов. Ср., например, паремию *Скільки дівок, стільки скринь* 'сколько в семье дочерей, столько готовится приданого' (Троиц.). В основе пословицы – старинный обычай, согласно которому для каждой из дочерей готовили приданое, которое складывали в сундуки (скрини). Так, по свидетельству коренной жительницы с. Троицкое Беляевского р-на Одесской области Е.В. Коваленко, к свадьбе у девушки в качестве приданого должно было быть сорок вышитых рушников и семь юбок.

Паремии русских говоров Одесщины, являя собой глубинный культурный слой, транслируют социокультурные установки, на которые ориентируются диалектоносители. Одной из универсальных характерных особенностей, лежащих в основе внутренней структуры паремий, является их ярко выраженная биполярность, обусловленная давним стремлением человека к структуризации и систематизации окружающего мира с помощью антиномий. Соглашаясь с точкой зрения белорусского учёного А.В. Никитевича в том, что «для диалектной картины мира вообще релевантны концептуальные бинарные оппозиции, представляющие, в частности, средствами фразеологии образ жизни человека с ярко выраженной концептуальной и отрицательной оценкой: “труд – лень”, “работа – безделье”, “ум – глупость” и др.» [Никитевич 2017, с. 272], отметим, что такая биполярность пронизывает большую часть анализируемых нами пословиц. Так, в основе внутренней структуры паремий русских говоров Одесщины, их лингвокультурного содержания лежат следующие бинарные оппозиции, выраженные эксплицитно и имплицитно: *родина – чужбина*, тесно связанная с концептуализацией преимущества проживания на родине, в родном доме (*Заховіаєт чужина – не найдёт родня, На чужині горі жить, Где народілся, там и пригоділся, Хочь дбама горілая шкўра, ды дбама, Свой хатка – рідная матка, В гостях бодро, а дбама лўчише* и др.) и универсальной межкультурной оппозицией *свой – чужой* – одной из наиболее продуктивных в паремиологической картине мира русских переселенцев, ср: *Не меній своего плохого на хорбшого чужого, Свой своему понева́ле друг; Не кидыйся, дед, на чужой обѣд [, а готвь хоть маленкий, ды свой]; Чужью беду руками разведу, а своей и рады не найду* и др.). К наиболее продуктивным следует отнести также следующие бинарные оппозиции: *богатство – бедность* (*Богатый – як схочет, а бедному (бедняку) – як удасться, Одні бедуют, другіе жирують* и др.); *родители*

/ мать / отец – дети (*Отцў, матери бесщастье, роду-племени – покор, Не лезь попере́д ба́тька в пѣкло, Кто не слўшает родную мать – послушает бараба́нную шкўру*); *труд – безделье* (*Работа не ведмедь, в лес не увойдѣт, Сполнил дѣло – гуляй смѣло*); *жизнь – смерть* (*Каждый в свою могилку ляжет, [Придѣт время –] всех по одной дорожке понесут*); *вовремя – не вовремя* (*преждевременно*) (*Косї, коса, покрь роса, Писклят по вѣсени считаюот*); *умный – глупый* (*Если в голове нема, то и не доставиши, Дураков работа любит*); *человек – бог* (*Выбором не выбереш, коли бог не даст, У бога всё готво*); *муж – жена* (*Умна́ жена, когда мешок пишенá [, а если мешок пустой, то и сам дурной], Воля ладушкина – закон*); *молодость – старость* (*Молодые порастаюот, старые сбываюотся, Ешь, пока рот свеж, а завянет – есть не станет*); *коллективно – индивидуально* (*В друзьяке и ба́тька бить дббре, Гуртам (гуртам) да миром сподручней*); *маленький – большой* (*Кось маленки дѣтки, то й маленки бедки, кось велики дѣтки, то й велики бедки*). Такие бинарные оппозиции, как *светлый – тёмный, хороший – плохой, сладкий – горький, главный – второстепенный, близкий – далёкий, доля – недоля, воля – неволя, правда – ложь, трусость – смелость, вина – безвинность, утро – вечер, руки – ноги, трудно – легко, много – мало* и некоторые другие представлены небольшим числом паремий.

Итоги. Таким образом, можно констатировать, что паремии русских говоров Одесщины транслируют ценные социокультурные установки, на которые ориентируются диалектоносители. Паремии отличаются прозрачной внутренней формой, а их лингвокультурное содержание может быть раскрыто с помощью входящих в их состав культурно значимых концептов – культуроносных ментальных сущностей, выраженных языковыми средствами. В основе внутренней структуры паремий лежат бинарные оппозиции, выраженные эксплицитно и имплицитно. Одной из наиболее продуктивных является сопряжённая с концептуализацией родного дома оппозиция «родина – чужбина», в основе которой – архетипическая оппозиция «свой – чужой», также широко представленная в паремиологическом фонде русских переселенцев. Лингвокультурное пространство носителей русских островных говоров Одесщины, закодированное в паремиологической картине мира, широко, многообразно и может служить предметом дальнейших плодотворных изысканий в рамках лингво- и этнолингвокультурологии, лингвоконцептологии, лингвосемиотики, социоллингвистики и этнографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арефьева Н.Г. Гендерні стереотипи у болгарській фразеології: дис. на здобуття наук. ступеня к. філол. н.: спец. 10. 02. 03 «Слов'янські мови». Одеса, 2009. 233 с.
2. БРС – Болгарско-русский словарь / Сост. С. Б. Бернштейн. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 768 с.
3. БСРП – Мокиенко В. М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.

4. БСРПС – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Москва: ОЛМА «Медиа групп», 2010. 1026 с.
5. ИЭС – Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. Москва: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926, [2] с.
6. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Москва: ЛЕНАНД, 2016. 456 с.
7. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. Москва: Высшая школа, 1980. 207 с.
8. Не ходим ждать, когда само в рот упадет... *Тюменская правда* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tyum-pravda.ru>
9. Никитевич А.В. Русская народная культура в зеркале словообразования *Cuadernos de Rusística Española*. № 13 (2017). P. 29–42.
10. Потапов Н.И. Так вот и живём. *Разные истории*. Москва: Издательский дом «Сказочная дорога», 2012. 528 с.
11. ППЗК – Пословицы, поговорки и загадки Кубани / Сост. Л.Б. Мартыненко, И.В. Уварова; под редакцией Л.А. Степанова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2002. 167 с.
12. ППП – Меркурьев И.С. Пословицы и поговорки Поморья. Санкт-Петербург, 1997. 262 с.
13. САПФ – Словарь архангельских паремий и фразеологизмов / Сост. Н.В. Хохлова, Г.В. Михеева. Архангельск: Кира, 2016. 462 с.
14. СППП – Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Санкт-Петербург: «Норинт», 2001. 173 с.
15. СРГО – Словарь русских говоров Одесщины / Ред. коллегия: проф. Ю.А. Карпенко (отв. ред.), проф. Уэмура, проф. Д.С. Ищенко, доц. Л.Ф. Баранник: в 2 т. Одесса: АстроПринт, 2000–2001. Т. I. 369 с.; Т. II. – 293 с.
16. ССНП – Словник стійких народних порівнянь / Уклад. О.С. Юрченко, А.О. Івченко. Харків: Основа, 1993. 176 с.
17. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 286 с.
18. ТПП – Тверские пословицы и поговорки / Сост. Л.В. Брадис, В.Г. Шомина. Тверь, 1993. 60 с.
19. ФСУМ – Фразеологічний словник української мови / Уклад. В.М. Білоноженко та ін. Київ: Наукова думка, 1993. 984 с.

REFERENCES

1. Arefieva N.G. (2009) Genderni stereotypy u bolharskiy frazeologii [Gender Stereotypes in Bulgarian Phraseology]: dis. na zdobuttia nauk. stupenia k. filol. n.: spec. 10. 02. 03 «Slovianski movy». Odesa. 233 s. [in Ukrainian].
2. BRS – Bolgarsko-russkiy slovar (1966) [Bulgarian-Russian Dictionary] / Sost. S.B. Bernshteyn. Moskva: Sovetskaya enciklopediya. 768 s. [in Russian].
3. BSRP – Mokienko V.M., Nikitina T.G. (2007) Bolshoy slovar russkikh pogovorok [Large Dictionary of Russian Sayings]. Moskva: ZAO «OLMA Media Grupp». 784 s. [in Russian].
4. BSRPS – Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. (2010) Bolshoy slovar russkikh poslovic [Large Dictionary of Russian Proverbs]. Moskva: OLMA «Media grupp». 1026 s. [in Russian].
5. IES – Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar (2005) [Russian Phraseology. Historical and Etymological Dictionary] / A.K. Birikh, V.M. Mokienko, L.I. Stepanova; pod red. V.M. Mokienko. Moskva: Astrel: AST: Lyuks. 926 [2] s. [in Russian].
6. Kovshova M.L. (2016) Lingvokulturologicheskii metod vo frazeologii: Kody kultury [Linguocultural Method in Phraseology: Codes of Culture]. Moskva: LENAND. 456 s. [in Russian].
7. Mokienko V.M. (1980) Slavyanskaya frazeologiya [Slavic Phraseology]. Moskva: Vysshaya shkola. 207 s. [in Russian].
8. Ne hodim zhdad, kogda samo v rot upadyot... [We don't want to wait when it falls into the mouth itself]. *Tyumenskaya pravda* [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://tyum-pravda.ru> [in Russian].
9. Nikitevich A.V. (2017) Russkaya narodnaya kultura v zerkale slovoobrazovaniya [Russian Folk Culture in the Mirror of Word Formation]. *Cuadernos de Rusística Española*. № 13. P. 29–42 [in Russian].
10. Potapov N.I. (2012) Tak vot i zhivyom. *Raznye istorii* [That's How we Live. Different Stories]. Moskva: Izdatelskiy dom «Skazochnaya doroga». 528 s. [in Russian].
11. PPZK – Poslovicy, pogovorki i zagadki Kubani (2002) [Proverbs, Sayings and Riddles of Kuban] / Sost. L.B. Martynenko, I.V. Uvarova; pod redakciyey L.A. Stepanova. Krasnodar: Kubanskiy gos. un-t. 167 s. [in Russian].
12. PPP – Merkuriev I.S. (1997) Poslovicy i pogovorki Pomoriya [Proverbs and Sayings of Pomorie]. Sankt-Peterburg. 262 s. [in Russian].
13. SAPF – Slovar arhangel'skikh paremiy i frazeologizmov (2016) [Dictionary of Arkhangelsk Paremias and Phraseological Units] / Sost. N.V. Hohlova, G.V. Miheeva. Arhangel'sk: Kira. 462 s. [in Russian].
14. SPPP – Slovar pskovskikh poslovic i pogovorok (2001) [Dictionary of Pskov Proverbs and Sayings] / Sost. V.M. Mokienko, T.G. Nikitina. Sankt-Peterburg: «Norint», 173 s. [in Russian].

15. SRGO – Slovar russkikh govorov Odesshchiny (2000-2001) [Russian Dialects of Odessa Region Dictionary] / Red. kollegiya: prof. Yu.A. Karpenko (otv. red.), prof. Uemura, prof. D.S. Ishchenko, doc. L.F. Barannik: v 2 t. Odessa: AstroPrint. T. I. 369 s.; T. II. 293 s. [in Russian].
16. SSNP – Slovyk stiikykh narodnykh porivnian (1993) [Dictionary of Stable Folk Comparisons] / Uklad. O.S. Yurchenko, A.O. Ivchenko. Kharkiv: Osnova, 176 s. [in Ukrainian].
17. Teliya V.N. (1996) Russkaya frazeologiya: Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moskva: Shkola «Yazyiki russkoy kulturyi», 286 s. [in Russian].
18. TPP – Tverskie posloviy i pogovorki (1993) [Proverbs and Sayings of Tver] / Sost. L.V. Bradis, V.G. Shomina. Tver. 60 s. [in Russian].
19. FSUM – Frazеологічний словник української мови (1993) [Phraseological Dictionary of Ukrainian Language] / Uklad. V.M. Bilonozhenko ta in. Kyiv: Naukova dumka, 984 s. [in Ukrainian].

ПАРЕМІЇ В РОСІЙСЬКИХ ОСТРІВНИХ ГОВІРКАХ ОДЕЩИНИ ЯК ВІДОБРАЖЕННЯ ЛІНГВОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТОРУ ДІАЛЕКТНОСІЇВ

Анотація. У статті вперше у вітчизняній лінгвістиці аналізуються паремії, що функціонують у російських острівних говірках Одещини. Паремії аналізуються з точки зору виявлення їхнього лінгвокультурного змісту. Доводиться, що пареміологічний фонд російських говірок Одещини відрізняється багатством та різноманітністю. Він представлений варіантами загальноживаних паремій, що відрізняються від останніх граматично або лексично; пареміями, що містять у своєму складі діалектне слово; суто діалектними пареміями, які не зафіксовано в жодному з відомих пареміологічних словників чи збірників. Паремії транслюють цінні соціокультурні настанови, на які орієнтуються діалектосієві. Паремії відрізняються прозорою внутрішньою формою, а їхній лінгвокультурний зміст може бути розкритим за допомогою культурно значущих концептів – вербалізованих культурноносних ментальних сутностей. Прототипна ситуація, інтерпретована в категоріях культури, або культурно значущий концепт, «обрамлені» співзвучністю компонентів, їхньою стрункою ритмічною організацією, створюють вербалізований культурний знак, що виконує роль тропу в лінгвокультурному просторі російських діалектосієв. В основі внутрішньої структури паремій лежать бінарні опозиції, що виражені експліцитно та імпліцитно. Найбільш продуктивною у пареміологічній картині світу російських переселенців виявляється універсальна міжкультурна опозиція «батьківщина» – «чужина», яка є тісно пов'язаною з концептуалізацією рідної домівки, культом роду та однією з найбільш прадавніх опозицій – «свій – чужий», яка є теж широко представленою у пареміологічному фонді діалектосієв. Лінгвокультурний простір носієв російських острівних говірок Одещини, закодований у пареміологічній картині світу, може стати предметом подальших наукових розвідок у руслі лінгво- та етнолінгвокультурології, лінгвоконцептології, лінгвосеміотики, соціолінгвістики та етнографії.

Ключові слова: паремії, російські говірки Одещини, лінгвокультурний простір, лінгвокультурний зміст, культурно значущий концепт, бінарна опозиція, пареміологічна картина світу.

PAREMIAS IN THE RUSSIAN INSULAR OF ODESSA REGION AS A REFLECTION OF THE LINGUOCULTURAL SPACE OF DIALECT CARRIERS

Abstract. For the first time in domestic linguistics, the article analyzes the paremia functioning in Russian insular dialects of Odessa region. Paremiias are described in terms of identifying their linguocultural content. It is concluded that the paremiological fund of Russian dialects of Odessa region is rich and diverse. It is represented by variants of commonly used paremiias that differ from them in their structure – lexical or grammatical; commonly used paremiias containing the dialect word; in fact, dialectic paremiias not recorded by any of the paremiologocal dictionaries or collections known to us. The paremiias transmit valuable sociocultural attitudes that dialect carriers are oriented to. The paremiias are distinguished by a transparent internal form, and their linguocultural content can be revealed with the help of culturally significant concepts – cultural-bearing mental entities expressed by linguistic means. A prototypical situation, interpreted in categories of culture, or a culturally significant concept, “framed” by the harmony of components, their harmonious rhythmic organization, create a verbalized cultural sign that act as a path in the linguocultural space of Russian dialect carriers. The internal structure of the paremiias is based on the binary oppositions expressed explicitly and implicitly. The most productive in the paremiological picture of the world of Russian settlers is the universal intercultural opposition *homeland – foreign land*, closely associated with the conceptualization of the home, the cult of a family and one of the most ancient oppositions – the opposition *self other* also widely represented in the paremiological dialect carrier fund. The linguocultural space of the native speakers of Russian insular dialects of Odessa region, encoded in the paremiological picture of the world, can become the subject of further scientific researches in the context of linguo- and ethno-linguoculturology, linguoconceptology, linguosemiotics, sociolinguistics and ethnography.

Keyword: paremiias, Russian dialects of Odessa region, linguocultural space, linguocultural content, culturally significant concept, binary opposition, paremiological picture of the world.

© Ареф'єва Н., 2020 р.

Наталія Ареф'єва – кандидат філологічних наук, доцент кафедри мовної і гуманітарної підготовки іноземців Одеського національного університету імені І.І. Мечникова, докторант кафедри російської мови Одеського національного університету імені І.І. Мечникова, Одеса, Україна; <http://orcid.org/0000-0002-4974-9157>

Natalia Arefieva – Candidate of Philology, Associate Professor of the Linguistic and General Humanitarian Training for Foreigners Department, doctoral student of the Russian Language Department, I. I. Mechnikov Odessa National University, Odessa, Ukraine; <http://orcid.org/0000-0002-4974-9157>